

V. 16-е Апреля

17-го марта диктатура Бланки была подавлена; но устранив человека, не устранили принцип и больше прежнего уверились, что власть должна спасти Францию. Временное правительство, подталкиваемое общественным мнением, усиливалось принять какую-нибудь инициативу. Жалкая инициатива!

“ «Потомки бы не поверили действиям февральского правительства, говорит Прудон, если бы история не позаботилась занести в летописи её акты. За исключением нескольких мер общественной экономии и пользы, необходимость которых была доказана временем и требовалась обстоятельствами, всё остальное было фарсом, парадом, бессмыслицей, нелепостью. Говорят, что власть превращает умных людей в дураков. Истина этого замечания обнаружилась с февраля не на одном только временном правительстве»

«Циркуляр Ледрю-Роллена[95] и 45 сантимов Гарнье-Пажеса[96] были, может быть, политической и финансовой ошибками, что, впрочем, можно ещё оспаривать; но во всяком случае эти ошибки имели смысл, намерение, делались в виду определённой цели. Можно было видеть, чего хотят и чего не хотят люди; в этих поступках не было ни глупости, ни пошлости. Но что сказать о пустозвонных и ребяческих прокламациях временного правительства, которыми оно возвещало о предании суду господина Гизо и его товарищей, отменяло дворянские титулы, освобождало чиновников от присяги, меняло расположение цветов на трёхцветном знамени, уничтожало монархические надписи на памятниках и сочиняло другие, будто бы республиканские, переименовывала Тюильри[97] в *Инвалидный Дом Народа* и тому подобное? И в какое время делалось всё это?»

«Оно восклицало в напыщенном адресе устами господина Ламартина: *Врата свободы раскрыты!* В других словоизвержениях оно объявляло, что *бескорыстие* вносится в дневной порядок и возвещало во всеобщее сведение, что *великодушие* есть лучшая политика. Другой раз по предложению Луи Блана *призывало народ к терпению*, говоря, что вопрос о труде *сложен и не может быть решён в одну минуту*, в чём конечно никто никогда не сомневался, кроме самого временного правительства»

«Народ требовал удаление войск. Один журналист, господин Эмиль де Жирарден, ещё умнее предлагал немедленно уменьшить армию на 200,000

человек. Это был бы действительно шаг к революции, шаг к свободе. Временное правительство отвечало на народное желание и на предложение журналиста: во-первых, декретом о сформировании 24-х батальонов подвижной стражи; во-вторых, призывом под ружьё 80,000 человек; в-третьих, приглашением школьной молодёжи записываться в секции[98], не говоря уже о том, что войска не были удалены из Парижа. Правительство воображало, что принимает инициативу, между тем как это было просто имитацией 1793-го года[99]. Но на что ему было нужно столько солдат? Июнь, Июнь ответит на это»

«Правительство назначает комиссию для исследования вопросов труда; другую комиссию для изучения вопроса о кредите; третью комиссию для принятия мер против *соискателей должностей!* Не забыли и прекрасный пол; приказом министра народного просвещения гражданин Легуве[100] уполномочивался открыть в Сорбонне курс моральной истории женщины. Затем временное правительство устраивало празднества; по его приказу министр духовных дел был приглашён распорядиться о пении в церквях гимна: *Domine salvam fac rempublicam*[101] и о призыве на республику божественного благословения. Сам Косидьер, ужасный Косидьер[102], распорядился о восстановлении службы в церкви Успения, которую патриоты обратили в клуб. Аббат Лакордер в одно и тоже время делался народным представителем и придворным проповедником республики, а парижский архиепископ Афр с лукавым добродушием приказывал петь в церквях иронический стих: *Domine salvam fac populum* – Боже, спаси народ, (ибо не ведает он, что творит)»

«Что касается публики и печати, то они стоили власти. В одном воззвании требовалось, чтобы правительство воспрепятствовало удалению из страны капиталов, и чтобы оно учредило надзор за господином Ротшильдом. В другом предлагалось продать коронные бриллианты и пригласить всех граждан отправить своё серебро на монетный двор; в третьем говорилось о необходимости перенести прах Армана Карреля[103] в Пантеон. *Мирная демократия*[104], также беря инициативу, требовала, чтобы блуза была принята мундиром всей национальной гвардией республики; чтобы государство организовало бюро справок и помещения для рабочих; чтобы правительство командировало в департаменты профессоров, поручив им доказывать крестьянам превосходство демократической формы над монархической и прочее. Жорж Занд пел гимны пролетариям; литературное общество предоставляло себя в распоряжение правительства; Зачем? Этого оно не объясняло, и это так и осталось тайной! Прощение, подписание министерства прогресса. Не случись февральской революции, никто не знал бы, какая бездна глупости скрывается в глубине французской публики. Это мир Панурга[105]. Неужели Бланки, или вернее, его партия были не совсем неправы, замышляя хорошим ударом народной метлы очистить эти авгиевы конюшни[106], Люксембург[107] и Ратушу?»

Между тем, народ видя бездействие власти, приписывал его всё-таки отсутствию единства в правительстве и опять стал помышлять об удалении из него элементов бездейственных и консервативных и о сосредоточении власти в руках людей, преданных революции. Люксембургские корпорации приготовили второе издание 17-го марта. На люксембургских совещаниях был выработан целый ряд декретов, которыми предполагалось обеспечить организацию труда, в том виде как её представляла школа Луи Блана. Затем оставалось найти случай пойти к Ратуше, навязать эти декреты правительству и в случае надобности распорядиться его очищением. Случаем послужили выборы 14-ти офицеров генерального штаба национальной гвардии, которые должны были происходить на Марсовом Поле в воскресенье 16-го апреля. Корпорации собрались на Марсовом Поле и по окончании выборов пошли процессией к Ратуше. Официальным поводом к манифестации служила подача прошения, в котором между прочим говорилось:

“ «Вам, людям энергичным и преданным, надлежит объявить временному правительству, что народ желает республики демократической; что народ желает уничтожения эксплуатации человека человеком; что народ хочет организацию труда ассоциацией»

К прошению было приложено патриотическое пожертвование деньгами, собранными по подписке между рабочими корпорациями.

К несчастью для манифестантов, явилось подозрение, что намерения их не так мирны, как они уверяли. Притом несколько клубов, руководимых Бланки и Кабе, держались наготове в случае удачи манифестации явиться требовать своей доли в новой диктатуре. Луи Блану не везло; 17-го марта он был вынужден собственными руками разрушить своё дело и распустить манифестацию, которую сам организовал, но которая могла обратиться на пользу Бланки; 16-го апреля один из его товарищей, глава радикалов, Ледрю-Роллен, разыгрывал в отношении его ту же самую роль; он не согласился на очистку правительства, в которой, конечно, сохранил бы своё место, но которая дала бы в правительстве перевес чуждым ему элементам. Ледрю-Роллен был министром внутренних дел; при первом известии о социалистической манифестации, направляющейся к Ратуше, он велел ударить сбор; буржуазная национальная гвардия сбежалась со всех сторон и выстроилась на Гревской площади и в окрестных улицах со штыками на ружьях, готовая по первому знаку правительства, обратить их против рабочих корпораций. Манифестанты не ожидали такой встречи; удивленные и смущенные, они были принуждены в молчании проходить среди двойного ряда национальной гвардии, которая приветствовала их криком: *Смерть коммунистам!* Правительство согласилось, однако, для формы принять деньги и петицию; но во время прохода процессии Луи Блан и Альбер на балконе Ратуши, бледные и смущённые, стояли среди своих товарищей, которые, казалось, осыпали их живейшими упрёками.

Вечером национальные гвардейцы в упоении своей лёгкой победы разбрелись по Парижу, продолжая кричать *Смерть коммунистам!* Искали Кабе и некоторых других известных

социалистов, чтобы убить их. Буржуазия с ужасом смотрела на эту новую попытку социалистической партии овладеть властью; и случилось то, что неизбежно должно было случиться – усиление реакции. Правительство, видя, что на него упорно метят, старалось укрепиться, и на всякую новую попытку революционеров овладеть властью оно отвечало тем, что отдавало себя во всё более реакционные руки.

Итак, 17-го марта была первая попытка революции овладеть правительством и осуществить свою программу посредством официальной власти; первая реакция, произведённая Луи Бланом против Бланки. 16-го апреля вторая попытка, предпринятая на этот раз уже не Бланки, а самим Луи Бланом, которого люксембургские работники хотели сделать диктатором; и вторая реакция, произведённая Ледрю-Ролленом против Луи Блана. И ряд этот будет продолжаться постепенным устранением всех, кто будет пытаться с разными программами захватить власть, чтобы вести революцию; и отсюда мы выводим великое поучение: что революцию нельзя делать посредством завоевания власти и что этот образ действия не только не полезен для дела революции, а, напротив, служит лишь к преданию страны в жертву всё более сильной реакции.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:55:44

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:57:12